

Председателю диссертационного совета
02.1.007.01, созданного на базе
ФГБНУ «Исследовательский центр
частного права имени С.С. Алексеева
при Президенте Российской Федерации»,
доктору юридических наук, профессору
Михеевой Лидии Юрьевне

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию
Горевой Анастасии Алексеевны на тему:

«Общая цель и внесение вкладов как признаки договора простого товарищества»,
представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук
по специальности 5.1.3 - частноправовые (цивилистические) науки

Диссертация Горевой Анастасии Алексеевны посвящена договору простого товарищества: в ней рассматриваются общая цель и внесение вкладов как основные признаки этого договора.

Данная тема, безусловно, является актуальной для отечественного гражданского права, особенно велико ее прикладное значение. Договор простого товарищества давно существует в отечественном гражданском законодательстве. Однако, до сих пор ни в доктрине, ни в судебной практике нет единого мнения относительно признаков данного договора, что затрудняет его квалификацию на практике.

Данная проблема особенно остро ощущается сегодня, когда в условиях усложнения гражданского оборота положения о договоре простого товарищества применяются как к известным, так и к новым формам гражданско-правовых сообществ. В частности, как справедливо отмечает автор, в отдельных новых договорных видах можно усмотреть конструкцию договора простого товарищества (инвестиционное товарищество, договор между участниками синдиката кредиторов, соглашение о сервисных рисках). Кроме того, Верховный Суд Российской Федерации отмечает, что в основе корпоративных отношений лежат товарищеские отношения, урегулированные главой 55 ГК РФ¹. В связи с этим, исследование договора простого товарищества как базовой договорной модели для совместной деятельности стоит всячески поддержать.

При этом в последние 15 лет договору простого товарищества не было уделено достаточного внимания в науке гражданского права, о чем свидетельствует незначительное

---

¹ См., например, определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 11.06.2020 № 306-ЭС19-24912 по делу № А65-3053/2019, от 14.07.2020 № 309-ЭС18-12370 по делу № А34-3532/2015 и от 06.04.2023 № 305-ЭС22-26611 по делу № А40-284789/2021.

количество трудов, посвященных данной тематике. В связи с развитием отечественного и зарубежного законодательства, в том числе в части договоров, направленных на осуществление совместной деятельности, явно наметилась потребность современного комплексного исследования договора простого товарищества.

Все это приводит к выводу, что диссертация А.А. Горевой выполнена на актуальную тему.

Диссертация по своему содержанию, сформулированным научным выводам и практическим предложениям представляет собой основательную научно-исследовательскую работу. При проведении исследования автор изучила широкий круг источников: нормативных правовых актов, актов судебных органов, научной литературы, в том числе на иностранных языках. Особо следует отметить использование автором научного наследия таких ученых-правоведов, как Г.Е. Авилов, М.И. Брагинский, М.Г. Масевич, Е.А. Флейшиц, работавших в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации и внесших значительный вклад в учение о договоре простого товарищества. Все это позволило А.А. Горевой глубоко исследовать заявленную тему, сопоставить предлагаемые ей решения с существующими в юридической науке и обеспечило достоверность сделанных ею выводов и предложений.

Диссертация в достаточной мере содержит элементы научной новизны, получивших отражение в положениях, вынесенных на защиту. В диссертации представлен научно-обоснованный авторский подход к содержанию правоотношений между товарищами по внесению вкладов для достижения общей цели по договору простого товарищества. В работе определено происхождение понятия «общая цель», установлено его влияние на содержание обязательств товарищей, на пределы свободы товарищей в вопросах распределения прибыли и убытков по договору простого товарищества, обосновано наличие у товарищей фидуциарных обязанностей по отношению друг к другу, установлено содержание обязанности товарищей по внесению вкладов, выявлено значение формирования общего имущества товарищей, определена правовая связь обязанностей товарищей по внесению вкладов.

Выносимые автором положения на защиту являются обоснованными, логично следуют из основного содержания и структуры диссертации, согласуются с использованными методами и предметом исследования.

В частности, следует согласиться с автором в том, что квалифицирующим признаком договора простого товарищества является согласование общей цели, а не участие товарищей в прибыли и убытках (первое положение). Включение в сферу действия главы 55 ГК РФ непредпринимательских товариществ указывает на то, что встречаются договоры простого товарищества, в которых нет признака распределения прибыли. Следует поддержать

обоснование диссертантом общей цели договора простого товарищества как существенного и по сути – конститутивного условия такого договора, с отпадением или при невозможности достижения которого должно прекращаться и само товарищество, в связи с чем справедливой является критика действующего ГК РФ, в котором отсутствует такое основание прекращения товарищества, как невозможность достижения общей цели (стр. 28–29).

Чрезвычайно важным является указание автором в первом положении на разделение общей цели товарищества как конституирующего товарищество организационного элемента, с одной стороны, и целей (мотивов) участия в товариществе отдельных товарищей, – с другой, что служит необходимым «мостиком» к пониманию генезиса правосубъектности корпоративных образований и принципиальных отличий корпоративного права как права созданных правопорядком субъектов, имеющих обособленное имущество (которым в товариществах является общая собственность) и самостоятельный интерес, от договорного права (стр. 67 – 68).

В этой связи обоснованными и верными представляются выводы о возможности существования «львиных товариществ», в которых отдельные участники могут лишаться права на распределение прибыли или освободиться от обязанности несения расходов (убытков), поскольку именно согласование общей цели, а не участие в прибылях и убытках, является квалифицирующим признаком договора простого товарищества, при этом в качестве личных целей отдельных товарищей может оставаться какой-либо нематериальный интерес (положения 1 – 3, выносимые на защиту). В качестве альтернативы ничтожности таких товариществ автор предлагает оспоримость соответствующих сделок (ст. 179 ГК РФ), а также применение правил о несправедливых договорных условиях, с чем вполне можно согласиться.

Вывод автора о том, что договор простого товарищества, по которому кто-либо из товарищей не участвует в несении убытков, ошибочно квалифицируется в качестве недопустимого «львиного» товарищества является обоснованным, опирается на историческое толкование норм отечественного законодательства, зарубежный опыт (второе положение). Диссертант справедливо отмечает, что как в праве дореволюционной России, так и в законодательстве ряда современных странах допустимо, как минимум, освобождение от участия в расходах и убытках товарища, чей вклад заключается в личном труде (стр. 53–54).

Представляет научный интерес третье положение, выносимое на защиту, в котором автор допускает существование договоров простого товарищества, в которых кто-либо из товарищей добровольно не участвует в прибыли. Подобное исключение автор связывает с наличием у исключенного из прибыли товарища иного нематериального интереса для участия в договоре. С учетом того, что сфера применения норм законодательства о договоре простого товарищества охватывает как предпринимательские, так и находящиеся за пределами этой области отношения,

действительно, сведение различных мотивов участников договора простого товарищества только к стремлению к прибыли необоснованно.

Заслуживает поддержки тезис из четвертого положения, согласно которому допустимым является вклад, состоящий исключительно в виде действий, направленных на достижение общей цели, или даже бездействия. Наиболее ярко данное совпадение показано автором на примере управляющего товарища, для которого вклад состоит в действиях по ведению общих дел (стр. 119–120).

Чрезвычайно важным для развития учения о договоре простого товарищества является вывод о том, что создание общего имущества не является конститутивным признаком такого договора (пятое положение), с чем в полной мере можно согласиться, поскольку вкладом товарищей в общее дело могут быть и неимущественные взносы, а главное в товариществе – совместные действия для достижения общей цели. Товарищество в первую очередь является обязательственным правоотношением, а возможные вещно-правовые эффекты его заключения действительно вторичны и случайны. При этом, в отличие от правосубъектных образований, простое товарищество не нуждается в минимальной имущественной массе, гарантирующей интересы кредиторов, поскольку товарищи отвечают по обязательствам товарищества всем своим личным имуществом (ст. 1047 ГК РФ). Правильность вывода о необязательности вещного эффекта для договора простого товарищества автор удачно иллюстрирует на примере отдельных видов простых товариществ, таких как синдикат кредиторов, страховой пул, горное товарищество.

Обоснованными представляются выводы о содержании фидуциарных обязанностей товарищей, которые включают обязанность действовать не в своих интересах, а в интересах общего дела и обязанность не совершать действий, препятствующих достижению общей цели (шестое положение). Автор последовательно доказывает, что договор простого товарищества отвечает критериям фидуциарного правоотношения, выделяемым в отечественной доктрине. В частности, каждый из товарищей в силу договора должен действовать в общем интересе с необходимой разумностью и добросовестностью, поскольку действия одного из товарищей влекут юридические последствия и для остальных товарищей (стр. 86–87). При этом заслуживает поддержки вывод о дифференциации объема фидуциарных обязанностей товарищей и стандарта их поведения в зависимости от их роли в ведении дел товарищества: чем больше товарищ вовлечен в управление делами товарищества, тем выше должен быть стандарт его добросовестности и разумности (седьмое положение).

Автор придерживается широкой концепции взаимных (синаллагматических) договоров, согласно которой взаимный (синаллагматический) договор – это родовое понятие, а встречный договор с взаимным (обменным) характером предоставлений – только один из его видов. В силу

этого логичным и последовательным является вывод о взаимности обязанностей товарищей по внесению вкладов и о применимости к исполнению таких обязанностей положений пункта 3 статьи 328 ГК РФ о встречном исполнении обязательств, исходя, однако, не из встречности предоставлений, а из их взаимности и принципа добросовестности (восьмое положение, стр. 144 диссертации).

Обоснованным видится отказ автора от буквального толкования некоторых норм ГК РФ о договоре простого товарищества (например, запрета на участие некоммерческих организаций и физических лиц в договоре простого товарищества, созданного для осуществления предпринимательской деятельности, запрета на уступку денежных требований по договору простого товарищества) в пользу их системного толкования с учетом общих положений ГК РФ (девятое и десятое положения, выносимые на защиту). Такой подход позволяет автору обосновать более широкое представление о содержании отдельных положений главы 55 ГК РФ.

Основные положения диссертации нашли отражение в работах, опубликованных автором в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикаций основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук. Автореферат диссертации отражает ее содержание.

Однако, при общей, безусловно положительной, оценке диссертационной работы А.А. Горевой, в рамках научной дискуссии к ней имеются следующие замечания и вопросы:

1) В диссертации сделан вывод о том, что обязанность по осуществлению совместной деятельности и обязанность по внесению вклада – совпадающие понятия (четвертое положение, выносимое на защиту, стр. 17). Данный вывод представляется ошибочным, поскольку обязанность по осуществлению совместной деятельности заключается не во внесении вклада (имущественного или неимущественного, путем осуществления конкретных действий или бездействия, направленных на достижение общей цели), а в первую очередь – в координации и взаимном согласовании любых действий (бездействия) при исполнении договора простого товарищества исходя из принципов сотрудничества, взаимного доверия (фидуциарности) и учета интересов как других участников договора, так и общего интереса (общей цели) договора товарищества. Можно надлежащим образом исполнить обязанность по внесению вклада в совместную деятельность (которая, в том числе, может исчерпываться обязанностью осуществлять какие-либо личные действия для достижения общей цели товарищества), но при этом нарушить обязанность совместно действовать, не реагируя на изменяющиеся обстоятельства по ходу исполнения договора и игнорируя необходимость сотрудничества и учета взаимных интересов и поведения других сторон договора. То, что понятие вклада может совпадать с обязанностью совершения товарищем каких-либо действий в пользу цели

товарищества (например, труд товарища), не означает, что это понятие тождественно обязанности *совместно действовать*. Не случайно в п. 1 ст. 1041 обязанность соединить вклады и обязанность совместно действовать упоминаются как разные обязанности. Поэтому никакой «чрезмерности» в наложении на товарища и обязанности внести вклад, и обязанности совместно действовать (ошибочно отождествляемой диссертантом с «обязанностью предпринимать активные действия» (стр. 120)), нет и быть не может, поскольку в законе, вопреки представлениям диссертанта, речь идет о разных обязанностях – *внести вклад (1)* (в том числе путем совершения активных действий и, возможно – бездействия), и *совместно действовать (2)* при исполнении договора для достижения общей цели. В любом товариществе его участник не может ограничиться внесением вклада, в чем бы он ни заключался, и устранившись после этого от исполнения обязанности «совместно действовать» для достижения цели товарищества. Именно в исполнении второй обязанности заключается основное отличие товарищеских договоров от любых других договоров с финансовыми обязательствами сторон.

2) Представляется, что автором приведен неудачный пример из немецкой судебной практики, который призван иллюстрировать тезис об отсутствии товарищеского договора без общей цели. В данном примере (стр. 26) говорится о распределении обязанностей между участниками яичного товарищества, доходы от деятельности которого должны были распределяться между ними по определенной формуле. При этом суд решил, что это не товарищество, поскольку не согласована общая цель. Но разве получение прибыли от сбыта яиц и распределение ее по определенной формуле не являлось такой общей целью?

3) На стр. 29 диссертации утверждается, что «в силу диспозитивного характера статьи 1050 ГК РФ об основаниях прекращения товарищества, товарищи могут включить в договор условие о прекращении товарищества при достижении цели или невозможности ее достижения». Однако утверждение о диспозитивности статьи 1050 ГК РФ в данном контексте требует дополнительного обоснования. Действительно, эта статья содержит указание о возможности сохранения договора простого товарищества в силе для остальных товарищей, если такое сохранение предусмотрено самим договором простого товарищества на случай, когда в отношении одного из товарищей наступили обстоятельства, влекущие выбытие его из товарищества. Однако такая диспозитивность установлена в отношении лишь тех оснований прекращения договора, исчерпывающий перечень которых предусмотрен в п. 1 ст. 1050 ГК РФ. При этом закон не предусматривает возможности для сторон договора устанавливать никаких новых оснований прекращения договора товарищества, помимо тех, которые прямо предусмотрены в ст. 1050 ГК РФ. Поэтому утверждение о возможности при действующем регулировании включить в договор товарищества не предусмотренное законом новое основание

прекращения договора (такое как достижение цели или невозможность ее достижения) представляется крайне спорным.

4) В диссертации (стр. 30 – 36) содержится аргументация о неверности квалификации в качестве ничтожной сделки договора простого товарищества, заключенного в целях извлечения прибыли, с участием некоммерческих организаций и физических лиц. В частности, автор указывает на то, что такая сделка не нарушает публичные интересы или интересы третьих лиц, и не может быть признана ничтожной на основании п. 2 ст. 168 ГК РФ (стр. 33). В то же время, в основе квалификации такого договора товарищества ничтожным лежит норма п. 2 ст. 1041 ГК РФ, прямо запрещающая указанным лицам быть стороной договора товарищества в целях осуществления предпринимательской деятельности. При этом согласно п. 75 постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 сделка, при совершении которой был нарушен явно выраженный запрет, установленный законом, является ничтожной как нарушающая публичные интересы. Поэтому на сегодняшний день с учетом указанных разъяснений Пленума ВС РФ договор простого товарищества, заключенный для осуществления предпринимательской деятельности с участием физических лиц или некоммерческих организаций, является ничтожным как нарушающий прямо выраженный в законе запрет и публичные интересы. Поэтому аргументация автора о неверности квалификации такой сделки в качестве ничтожной некорректна.

5) Нельзя согласиться с диссертантом в том, что в договоре простого товарищества наличие фидуциарных обязанностей «можно вывести» из положений пункта 3 статьи 307 ГК РФ, согласно которому при установлении, исполнении обязательства и после его прекращения стороны обязаны действовать добросовестно, учитывая права и законные интересы друг друга, взаимно оказывая необходимое содействие (стр. 97). В статье 307 ГК РФ речь идет об общей обязанности сторон любых обязательств действовать добросовестно, в том числе – обязательств, в которых стороны имеют противоположные цели и интересы. В то время как в договоре простого товарищества имеют место именно фидуциарные отношения, построенные по модели «ведения чужого дела» товарищами, совместно действующими для достижения общей цели. И в данном случае фидуциарность как признак товарищеских отношений принципиально отличается от общегражданской добросовестности, о которой говорится в ст. 307 ГК РФ и которая присуща любым обязательствам, в том числе не являющимся фидуциарными. Здесь речь идет не об обязанности просто сотрудничать при сохранении своих интересов, а – об обязанности заботиться об общем деле и ставить общие цели товарищества выше своих собственных интересов. Что касается пункта 3 статьи 307 ГК РФ – то ее положения применимы к любым вообще обязательствам, однако это не означает, что из нее можно вывести наличие фидуциарных обязанностей в любых гражданско-правовых договорах.

6) Совершенно правильным представляется подход диссертанта, согласно которому денежные требования из договора товарищества могут быть свободно уступлены без согласия всех товарищей как не имеющие личного характера (девятое положение, выносимое на защиту). В то же время, нельзя полностью отрицать роль личного элемента в любых отношениях товарищей, который сохраняет свое значение, поскольку забота о ведении совместного дела для достижения общей цели вверяется участниками товарищества друг другу с учетом их личных качеств, и им не безразлично, кто является товарищем для ведения общего дела и осуществления управленческих прав. Поэтому не вполне корректным является общее утверждение данного положения о том, что «личный характер правоотношений товарищей не влияет на возможность уступки прав из договора простого товарищества» (стр. 18). Данное утверждение было бы верным только с поправкой о том, что речь идет об уступке имущественных прав. Управленческие же права, носящие фидуциарный характер, не могут быть уступлены без согласия других участников, что признает и сам диссертант со ссылкой на немецкий и иные правовые порядки (стр. 105 – 116).

7) Автор со ссылкой на итальянское право обращает внимание на различие многосторонних и меновых договоров, когда многосторонность договора понимается не по количеству сторон, а как направленность обязательств сторон на достижение общей цели (стр. 147). При этом справедливо отмечается, что многосторонние договоры в таком понимании в отечественной доктрине плохо изучены. Тем не менее, автор не называет конкретные литературные источники в отечественной доктрине, в которых многосторонние договоры рассматриваются именно в упомянутом контексте. Хотелось бы уточнить, известны ли автору такие источники?

8) В диссертации делается безоговорочный вывод о применимости пункта 3 статьи 328 ГК РФ о встречном исполнении обязательств к обязанности товарищей по внесению вкладов (восьмое положение, выносимое на защиту). Это означает, что в договоре товарищества, сторонами которого может быть множество лиц, неисполнение обязанности по внесению незначительного по размеру вклада всего лишь одной стороной дает основание всем оставшимся сторонам не исполнять свои обязательства по внесению вкладов. Такой категорический подход вызывает сомнения. Автор и сам в тексте диссертации (стр. 156) соглашается с тем, что возражение против неисполнения не должно вести к приоритету интересов одного из товарищей над интересами всех товарищей. Поэтому представляется, что применение пункта 3 статьи 328 ГК РФ о встречном исполнении к договорам простого товарищества должно носить более дифференцированный характер: оно может иметь место лишь в тех случаях, когда неисполнение обязанности по внесению вклада одной из сторон делает невозможным достижение общей цели товарищества. Если же невнесение вклада одним

из товарищей не препятствует достижению цели товарищества при условии выполнения своих обязанностей оставшимися товарищами, – это не должно давать права другим товарищам не исполнять свою обязанность по внесению вклада со ссылкой на п. 3 ст. 328 ГК РФ.

Высказанные замечания и вопросы носят характер научной дискуссии и не умаляют значимости диссертационного исследования.

Изложенное позволяет сделать вывод, что выводы автора обладают научной новизной, которая требуется от диссертаций на соискание ученой степени кандидата юридических наук, являются достоверными, обоснованными, ценными для развития договорного права и практически применимыми. Проведенное исследование, с одной стороны, обладает теоретической значимостью, а с другой стороны, имеет четкую практическую направленность.

Вывод: диссертация Горевой Анастасии Алексеевны на тему «Общая цель и внесение вкладов как признаки договора простого товарищества» соответствует критериям, установленным Положением о присуждении ученых степеней, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, а соискатель заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.3 Частно-правовые (цивилистические науки).

Официальный оппонент:

Гутников Олег Валентинович,

доктор юридических наук

(12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право;

семейное право; международное частное право),

и. о. заведующего центром частного права,

главный научный сотрудник Федерального государственного научно-исследовательского

учреждения «Институт законодательства и сравнительного правоведения при

Правительстве Российской Федерации»

«30» октябрь 2024 г.

О.В. Гутников

Сведения об организации:

Федеральное государственное научно-исследовательское учреждение «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации»

Почтовый адрес: 117218, Россия, г. Москва, ул. Б. Черемушкинская, д.34

Телефон: + 7 (499) 724-12-49

Сайт: <https://izak.ru>

E-mail: civil@izak.ru

